

собрание сочинений

ВЛАДИМИР ШИГИН

историческое документальное
расследование

Страсти по адмиралу
КЕТЛИНСКОМУ

Герои и антигерои российской истории

Владимир Шигин

**Страсти по адмиралу Кетлинскому
(Собрание сочинений)**

«ИП Каланов»

2014

Шигин В. В.

Страсти по адмиралу Кетлинскому (Собрание сочинений) /
В. В. Шигин — «ИП Каланов», 2014 — (Герои и антигерои
русской истории)

Новая книга известного русского писателя-мариниста, капитана 1-го ранга В. Шигина посвящена событиям Первой мировой войны и 1917–1918 годов на Русском Севере. В центре повествования личность незаурядного флотского офицера контр-адмирала К.Ф. Кетлинского. До настоящего времени имя Кетлинского окружено завесой умолчания. И сегодня историки яростно спорят о роли Кетлинского в событиях 1917 года в Мурманске. Завесой тайны окружена и трагическая смерть контр-адмирала, как и предшествующая ей попытка взрыва крейсера «Аскольд» в Тулоне, имевшая трагические последствия для судьбы героя книги.

© Шигин В. В., 2014

© ИП Каланов, 2014

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владимир Шигин

Страсти по адмиралу Кетлинскому

*Моим сыновьям Петру и Владимиру, с верой во все самое лучшее,
посвящаю эту книгу*
автор

© Шигин В.В.

Странное дело, но после смерти герой нашего повествования стал объектом столь яростных споров не только среди историков, но и среди литераторов, которые он вряд ли мог себе и представить. Даже сегодня, спустя почти столетие, историки и писатели продолжают ломать копья в нескончаемом споре о том, кем на самом деле был этот человек. Даже писать о нем долгое время было небезопасно, ибо любая попытка непредвзято оценить деятельность этого человека могла обернуться травлей и поломанной судьбой. Впрочем, в последнем его вины уже не было...

Глава первая

Шляхтич российского флота

Кетлинский – фамилия польская. Казимир Филиппович Кетлинский (по- польски она звучит как Китлинский) родился в польском городке Могилев- Подольский в 1875 году. Происходил Кетлинский из мелкопоместных польских шляхтичей. Из его послужного списка известно, что записан он был католиком, и что он прекрасно владел французским, английским, немецким и польским языками. Отец нашего героя был провинциальным врачом и практиковал в городке Закопане, что в Татрах, имея небольшой домик с мезонином. Уже когда сын вышел в офицеры, Кетлинский- старший погиб под снежной лавиной по дороге к больному в горную деревушку. Мать, оставшись одна, жила тем, что сдавала пару комнат, приезжавшим поправить здоровье в горы больным чахоткой, кормила и ухаживала за ними. Более подробных сведений о предках нашего героя нет. И это притом, что его дочь впоследствии стала известной советской писательницей. Но, увы, времена были таковы, что афишировать свое дворянское происхождение, да еще с древним генеалогическим древом в ту пору было, мягко скажем, не принято. Известно лишь то, что через свою младшую сестру Изу, Казимир Кетлинский являлся шурином генерала Мариуса Зарушевского, будущего основоположника польского парусного спорта.

Тот факт, что родители отдали Казимира в Морской корпус, говорит о том, что семья Кетлинских была вполне лояльна к царскому режиму, и не страдала польским национализмом и русофобством.

В 1895 году гардемарин Кетлинский заканчивает корпус пятнадцатым по успеваемости из девяноста выпускников и получает мичманский чин. Это характеризует Кетлинского, как весьма неглупого и способного к наукам юношу. Приведем лишь тот факт, что Кетлинский прекрасно разговаривал на английском, французском и немецком, не говоря уже о польском языках.

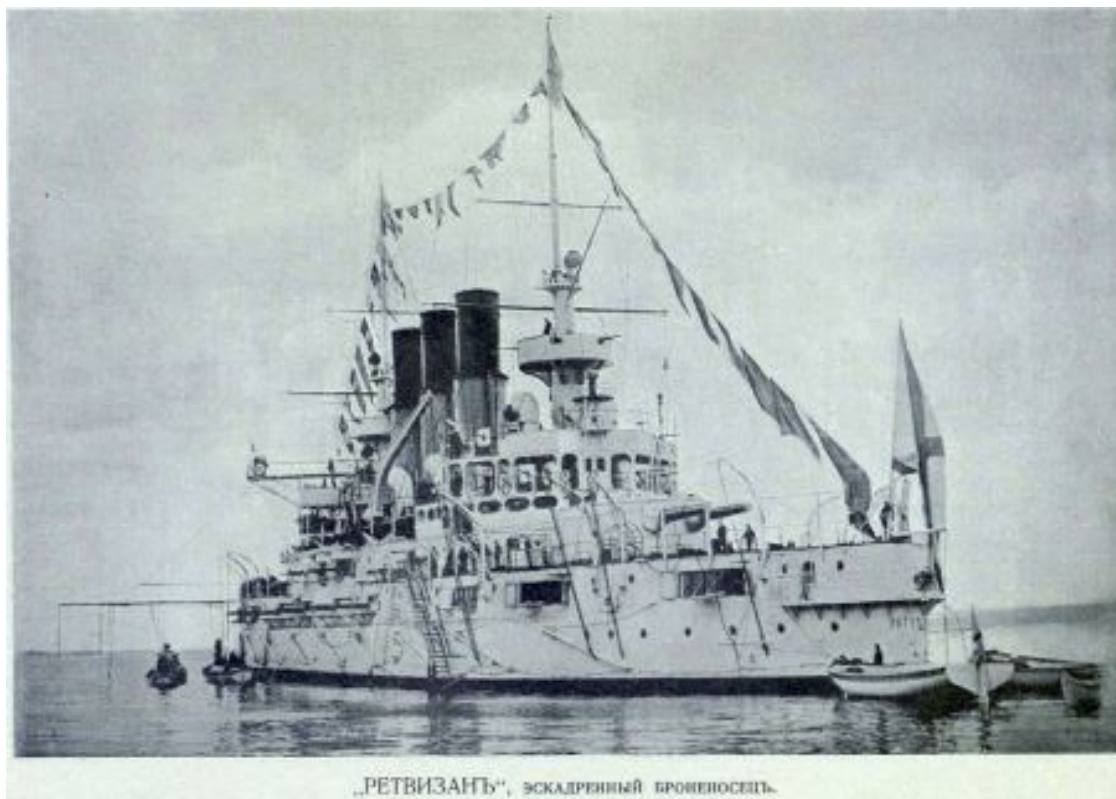
Гардемарин Кетлинский К. Ф.

Время выпуска из Морского корпуса Кетлинского было для молодых флотских офицеров на редкость интересным. Каждый год на отечественных стапелях спускались все новые и новые броненосцы и крейсера, наши эскадры бороздили мировой океан, а совсем недавно Андреевский флаг был поднят даже в далеком экзотическом Порт-Артуре. Впрочем, вначале Кетлинскому «не повезло» и он попадает служить на корабли учебно-артиллерийского отряда Балтийского флота. В состав отряда входили весьма устаревшие корабли, которые обычно даже не выходили за пределы Финского залива. Это, конечно же, не могло понравиться молодому амбициозному офицеру. Зато именно на кораблях учебно-артиллерийского отряда отрабатывались все новейшие приемы артиллерийской стрельбы, испытывались новые виды боеприпасов. Именно здесь готовили и высококлассных артиллеристов. Тот факт, что свою службу молодой мичман начал именно с глубокого изучения артиллерийского дела, которое впоследствии не только принесет ему почти всемирную известность, но станет самым любимым делом всей его жизни, говорит о том, что с первым назначением Кетлинскому на самом деле откровенно повезло.

После окончания обучения в учебно-артиллерийском отряде Кетлинский был отправлен для продолжения службы на Черноморский флот. Служил артиллеристом на броненосцах. Вначале на «Чесме», а затем и на «Г. еоргии Победоносце».

Судя по всему, молодой мичман весьма неплохо зарекомендовал себя в первые годы службы, стал неплохим артиллерийским офицером, так как в 1900 году был послан в США в числе наблюдающих за достройкой эскадренного броненосца «Ретвизан», в должности младшего артиллериста. Думается, что это было так же большой удачей для мичмана. Флотские офицеры знают насколько важно для профессионального роста попасть на достраивающийся корабль новейшего проекта, имея время и возможности, до деталей изучить все тонкости устройства корабля под руководством его конструкторов и строителей. С командиром «Ретвизана» капитан 1 ранга Шенсновичем (по кличке «идальго») у Кетлинского с самого начала

сложились самые добрые отношения. Думаю, что помимо самого серьезного отношения молодого мичмана к своим обязанностям и его рвения к службе, в этом свою роль сыграло и то, что оба они были поляками.

С 1900 года к огромной радости всех офицеров флота, и, безусловно, весьма небогатого Кетлинского, было повышено денежное содержание офицерского состава. Отныне, по новому положению, мичмана на Балтийском и Черноморском флотах получали от 76 до 106 рублей в месяц, а в заграничном плавании – от 129 до 144. Это были весьма неплохие деньги. Что касается команды «Ретвизана», то хотя сам броненосец еще достраивался, но так как достраивался он в США, то команда получала денежное содержание, как находящаяся в заграничном плавании.

В марте 1902 года на «Ретвизане» был поднят Андреевский флаг и корабль начал свою первую кампанию. К этому времени он был уже полностью укомплектован офицерами и командой.

30 апреля броненосец начал переход на Балтику, зайдя для пополнения запасов угля во французский Шербур. А через несколько дней после выхода из Шербура на броненосце произошла трагедия. При попытке развить полный ход в одном из котлов лопнула трубка. Паром обварило шесть человек, трое из которых скончались. Тогда-то в кают-компании броненосца заговорили о том, что происшедшая трагедия – это знак свыше, предостерегающий, что и сама жизнь корабля в российском флоте будет не долгой...

В Кронштадте новый броненосец посетил император Николай Второй, а затем «Ретвизан» перешёл в Ревель, где участвовал в грандиозном параде по случаю встречи русского и германского императоров. К этому времени Кетлинский провел в морях, положенные для получения следующего чина 40 месяцев и стал лейтенантом.

Почти сразу же по прибытии «Ретвизана» на Балтику, Кетлинский, по личной просьбе, отправляется на краткосрочные артиллерийские офицерские классы при учебно-артиллерийском отряде. На первый взгляд это было странно, ведь он не так давно покинул этот же самый

учебноартиллерийский отряд. Однако логика в поступке Кетлинского была. На новых кораблях в это время активно устанавливали новейшие достаточно сложные системы централизованного управления стрельбой, а потому крайне необходимы были специалисты, умеющие ею квалифицированно пользоваться. Известно, что в это время артиллерийский офицерский класс из-за перегрузки учебно-артиллерийского отряда стрельбами учеников- комендоров и недостатка штатных офицеров не обеспечивал полной практической подготовки слушателей к управлению стрельбой. Однако определенные теоретические и практические знания и навыки там Кетлинский все же получил.

Помимо профессионального роста, как мне, кажется, поступая на учебу в артиллерийский класс, Кетлинский преследовал еще одну важную для себя цель. В начале XX века, когда революционное брожение в России снова начало усиливаться, одной из головных болей для царского правительства стала Польша и поляки, в среде которых набирали популярность не только революционные, но и националистические взгляды. Присутствовали такие взгляды и в среде офицеров польского происхождения. По этой причине к офицерам-полякам в российской армии и на флоте относились с известной долей недоверия и в своей карьере они порой заметно отставали от других своих сослуживцев. Вне сомнений, что все это было прекрасно известно Кетлинскому. А так, как он к тому же, не имел и влиятельных родственников, то у молодого лейтенанта оставалась единственная возможность для успешной карьеры – освоить избранную специальность так, чтобы она гарантировала ему полное превосходство над конкурентами, и сделав его незаменимым, как специалиста. Обратим внимание и на то, что не так-то просто откомандировать на учебу офицера с находящегося в кампании новейшего корабля, к которому приковано все внимание начальства и на котором все еще продолжается освоение новой техники. Думается, что в поступлении на учебу в артиллерийский класс помог Кетлинскому командир броненосца Шенснович, проявивший при этом «польскую солидарность».

Эскадренный броненосец «Ретвизан»

После окончания классов, Кетлинский получил квалификацию артиллерийского офицера высшего 1-го разряда. Теперь он имел право на должность уже не младшего, а старшего артиллерийского офицера корабля 1 ранга. Разумеется, командир «Ретвизана» Шенснович сделал все возможное, чтобы вернуть грамотного офицера. Возможно, отпуская Кетлинского на учебу, он заранее выдвинул ему условие о возвращении именно на «Ретвизан». Впрочем, вряд ли наш герой мог найти себе место лучше – знакомый до заклепки корабль, знакомая техника, знакомые матросы и друзья-офицеры, благожелательно настроенный командир – служи, не хочу! И Кетлинский возвращается на «Ретвизан», причем уже в положенной ему по статусу должности старшего артиллерийского офицера. Это было серьезным повышением по службе и являлось хорошим заделом для будущей карьеры.

До конца лета на «Ретвизане» продолжалась доводка механизмов и установка оборудования, установка радиостанции. Немало забот было и у Кетлинского, который занимался в это время установкой и освоением 75мм орудий. В сентябре «Ретвизан» провел стрельбы главным калибром и вспомогательной артиллерией. Все артиллерийские системы действовали безукоризненно, да и точность стрельбы, вышколенных Кетлинским артиллеристов была неплохой. Довольными стрельбой остался не только Шенснович, но и присутствовавший на стрельбах адмиралитет. Профессиональная деятельность Кетлинского получила первую высокую оценку.

А затем, ввиду нарастания напряжённости в отношениях с Японией, «Ретвизан» вместе с броненосцем «Победа», крейсерами «Богатырь», «Диана» и «Паллада» стали спешно готовить к переходу на Дальний Восток. 21 сентября командующий отрядом контр-адмирал барон Э. А. Штакельберг поднял на «Ретвизане» свой флаг. Спустя несколько дней эскадра взяла курс к дальневосточным берегам. На переходе через три океана «Ретвизан» показал себя с лучшей стороны и прибыл на Дальний Восток без каких-либо повреждений.

По прибытии командующий Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал Старк провел на корабле артиллерийские стрельбы, чтобы определить уровень боевой подготовки «Ретвизана». И опять Кетлинский оказался на высоте, поразив все артиллерийские плоты, с натянутым на них брезентом.

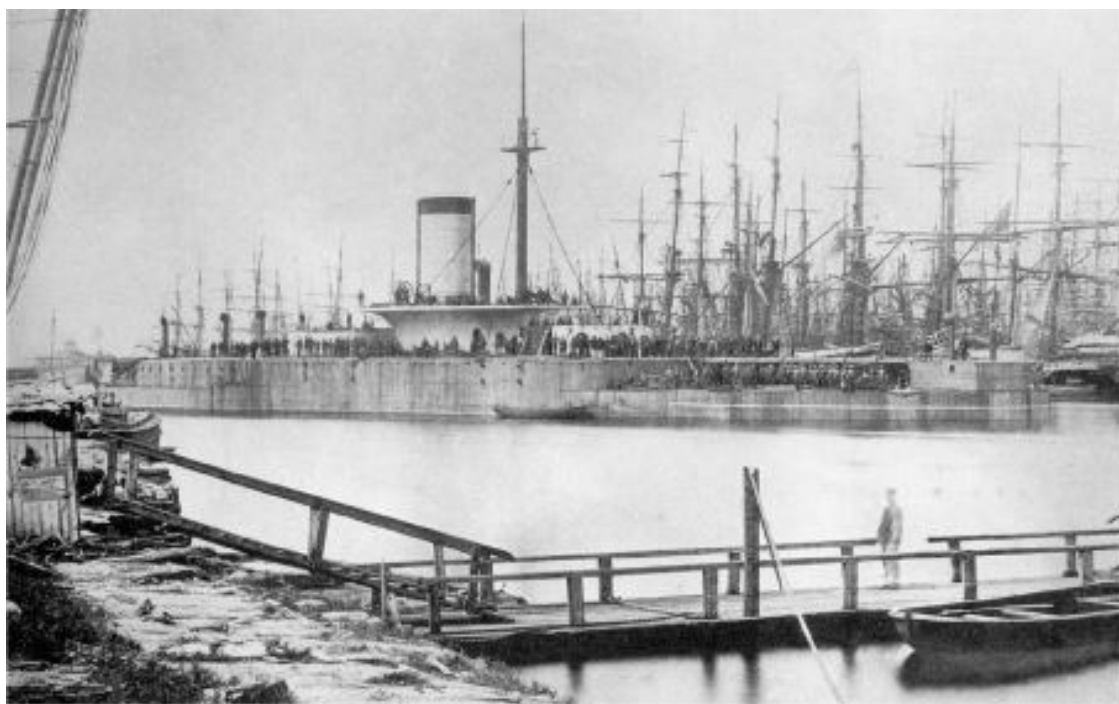

Орденом Святого Станислава 3-й степени

Признанием заслуг старшего артиллериста «Ретвизана» стало его награждение первым орденом – орденом Святого Станислава 3-й степени в декабре 1903 года. Орден Станислава являлся самым младшим в иерархии российских орденов, его получали практически все офицеры, выслужившие установленные срок службы и не имевших нарекания от высшего начальства. И все же, думается, своему первому ордену Кетлинский был рад.

Из дневника сослуживца Кетлинского по «Ретвизану» старшего минноартиллерийского содержателя А.А. Денисова. Вздвинуто и раздражено Денисов описывает, как он вместе с лейтенантом Кетлинским добивался изготовления приборов для наведения орудий, так как имеющиеся у орудий часто ломаются. А запасных не имеется: «Несмотря на всю их важность и на то, что «война на носу» наряд на выделку их был дан после переписки, длившейся около месяца, и после двукратных личных просьб у идиота главного артиллериста подполковника Трофимова, который, не понимая важности вопроса и, будучи всецело преданный формализму, твердил одно и то же: «По штату не положено». Что и говорить, болел за свое артиллерийское дело лейтенант Кетлинский! Особенно много времени в это время у Кетлинского отнимала отработка системы управления централизованной стрельбой. Дело это было, по тем временам, новое, однако весьма перспективное, так как сулило настоящую революцию в организации морского боя. На «Ретвизане» система управления централизованной стрельбы включала в себя дальномер Барра и Струда, микрометры Люжоль, позволявшие достаточно точно определять дистанции по углу к высоте мачт корабля противника. Затем замеренная дистанция должна была поступать в боевую рубку на главный дальномерный циферблат, где уже старший артиллерийский офицер выставлял на специальном циферблате ту осредненную дистанцию, какую он считал правильной. Там же, в боевой рубке, находился и боевой указатель, определяющий курсовой угол цели, и снарядный циферблат, указывающий тип снаряда. Вся эта информация с помощью синхронной электрической связи поступала от старшего артиллериста на принимающие циферблаты в башнях, батареях и погребах. Система централизованного управления стрельбой требовала не только высокой квалификации и офицеров, и матросов, но еще и высокой согласованности в их действиях. К тому же система центрального управления еще только внедрялась, а потому была еще весьма несовершенной и очень капризной. Часто происходили различные сбои, нередко были и короткие замыкания, которые выводили всю систему из строя. Да и образованность матросов желала много лучшего. Больше половины комендоров не знали десятичных дробей, а потому не могли даже правильно пользоваться таблицами стрельбы. По этой причине забот у старшего артиллериста «Ретвизана» хватало. Надо было быть не только командиром, рационализатором, но и учителем. И здесь Кетлинский показал себя как настоящий новатор. Еще на переходе от Кронштадта в Порт-Артур, в свободное от службы время он начал конструировать специальный прибор для обучения комендоров, самих же подчиненных усиленно обучал общей грамоте и прежде всего математике.

Идея «прибора Кетлинского» (под таким названием он стал известен на кораблях Тихоокеанской эскадры) заключалась в том, что непосредственно перед орудием устанавливался щит, изображающий цель, а к стволу орудия крепились электромагнит и шпилька, делающая укол в щите при замыкании контакта после прицеливания. К сожалению, этот прибор был изготовлен в единственном экземпляре, и оказать серьезного влияния на уровень подготовки артиллеристов всей эскадры не мог. И все же на «Ретвизане» стреляли лучше, чем на каком-либо другом корабле эскадры. В этом была несомненная заслуга лейтенанта Кетлинского.

Броненосцы в Военной Гавани Кронштадта

В августе 1903 года эскадра перешла во Владивосток, где все броненосцы прошли докование. Что касается «Ретвизана», то он настолько пришелся по душе Старку, что тот часто держал на нем свой флаг. В конце октября, в целях экономии средств, броненосец был выведен в вооружённый резерв. Между тем внешнеполитическая обстановка на Дальнем Востоке ухудшалась с каждым днем. Япония уже открыто провоцировала вооруженный конфликт с Россией. В этих условиях «Ретвизан» был снова выведен из вооруженного резерва. 19 января 1904 года во время прилива большие корабли вышли на внешний рейд Порт-Артура. Затем эскадра отправилась к полуострову Шантунг, отрабатывая совместное маневрирование, а затем вернулась в Порт-Артур.

Этот выход русской эскадры «в неизвестном направлении» вызвал настоящую панику в Японии. Опасаясь нарушения своих планов начала войны, там решили, не теряя времени, спровоцировать ее самим, не дожидаясь упреждающего хода северного соседа. 22 января последовал разрыв дипломатических отношений с Россией, а на следующий день командующий Соединённым флотом Японии вице-адмирал Того получил приказ о начале боевых действий против России.

Весьма любопытен в дневнике А.А. Денисова разговор между Кетлинским и мичманом С.В. Шереметевым с крейсера «Паллада». Офицеры всего за несколько часов до нападения японцев на Порт-Артур шли на катере на стоявшие на внешнем рейде корабли. Все обсуждали новость – срыв русско-японских переговоров и отзыв японского посла из Петербурга. По воспоминаниям Денисова Кетлинский сказал буквально следующее: «Япония во что бы то ни стало, желает войны и начнет ее теперь немедленно, а отзывание посланника нужно понимать, как объявление войны и других объявлений было бы ожидать глупо. Ну, рассудите, неужели японцы настолько рыцарски вежливы, что придут к нам на рейд, и пришлют объявление – вот де мы вызываем вас, господа русские, на бой – давайте драться! (все бывшие на катере засмеялись). Нет, – продолжал Кетлинский, – ждать еще каких-то объявлений было бы преступно глупо, теперь нам немедленно нужно напасть на их флот или же ждать начала войны со стороны японцев, но ждать в полной боевой готовности и со всевозможными предосторожностями...»

Мичман Шереметев, по словам Кетлинской считал, что японцы без предварительного объявления войны напасть не решаться. При этом он сообщил, что наместник все же приказал сегодня ночью выйти в море двум крейсерам «Палладе» и «Диане».

«— Ага, следовательно, наконец, и наши правители начинают сознавать серьезность положения, — отвечал Кетлинский, — Ну, а в отношении сетевого заграждения, ничего не слышно, сегодня не придется его ставить? — Нет, сети ставить Наместник запретил потому, что этим мы покажем японцам, что мы их боимся.»

Крейсера, как известно, в дозор так и не были посланы. Последствия этого были роковыми.

Глава вторая

Порт-Артурская страда

Первый удар был нанесён японскими эсминцами в ночь на 27 января. Несмотря на разрыв дипотношений, на нашей эскадре не были предприняты даже элементарные предосторожности: корабли стояли на внешнем рейде, часть из них была освещена, а противоторпедные сети выставлены не были. В таких условиях успех японцев был скромным – они лишь повредили торпедами броненосцы «Цесаревич», «Ретвизан» и крейсер «Паллада». Наши корабли открыли ответный огонь, чем сорвали все последующие атаки.

На «Ретвизане» приближающиеся японские миноносцы в свете прожектора обнаружил вахтенный начальник лейтенант Развозов, который и подал сигнал «отражение минной атаки». Однако головной японский эсминец «Сиракумо» уже выпустил торпеду, которая поразила броненосец. Удар пришёлся в носовую часть левого борта. Вода моментально затопила помещение подводных торпедных аппаратов. Из находившихся там шести человек спастись удалось лишь одному. Во внутренних помещениях «Ретвизана» погас свет, вода продолжала заливать носовые отсеки, из-за чего броненосец оседал носом и кренился на левый борт.

Командир «Ретвизана», разбуженный взрывом, выбежал наверх уже в разгар боя. На броненосце пробили водяную тревогу. И тогда, не дожидаясь приказа, лейтенант Кетлинский на свой страх и риск приказал затопить патронные погреба правого борта, что оказалось весьма своевременной мерой, предотвратило возможную детонацию боезапаса и помогло уменьшить крен. В своем докладе по итогам этого первого боя, Шенснович признал действия Кетлинского не только весьма своевременными, но и единственно верными.

Из дневника старшего минно-артиллерийского содержателя А.А. Денисова об атаке «Ретвизана»: «Господа офицеры отличались от матросов еще большим испугом и растерянностью и были похожи больше на барышень в мундирах, чем на мужчин... Но не могу сказать, что все они были негодяи и бездарные трусы, были действительно исключения. Крен в это время достигал 10 градусов и на палубе стоять было невозможно. Вода достигла до открытых пушечных портов левого борта и готовилась хлынуть в них, после чего наша гибель была бы неизбежна. Но в это время лейтенант Кетлинский совместно со старшим комендором Спрудисом уже принимали меры предотвращения этой опасности путем затопления патронных погребов правого борта».

Порт-Артур, 1904 г.

Из послужного списка К.Ф. Кетлинского: «Награжден золотой саблей с надписью «За храбрость» за проявление особого мужества во время внезапной минной атаки на эскадру Тихого океана 26 и в бою 27 января 1904 г.»

Когда неприятельские миноносцы были отогнаны, поврежденный «Ретвизан» двинулся на внутренний рейд. Однако пройти по фарватеру не удалось: полужатопленный корабль плохо слушался руля. В результате рыскания броненосец сел носом на мель на входе в гавань, застряв прямо поперёк фарватера.

Утром 27 января у Порт-Артура появились уже главные силы японского флота. Наша эскадра немедленно снялась с якорей и вышла навстречу противнику, несмотря на серьёзный перевес того в силах. Японцы, не приняв боя, ушли. Сидевший на мели «Ретвизан» почти не участвовал в этом бою, сделав всего два выстрела.

Сразу снять броненосец с мели не удалось, и он некоторое время защищал рейд в качестве своеобразного плавучего форта. От возможных повторных торпедных атак корабль прикрыли противоминными сетями.

В ночь на 1 февраля, пользуясь сильным снегопадом, японские миноносцы попытались произвести разведку рейда, но были отогнаны точным огнём «Ретвизана».

В ночь с 10 на 11 февраля японцы попытались перегородить выход из порт-артурской гавани с помощью брандеров, поддерживаемых эсминцами. Японский эсминец «Кагеро» атаковал неподвижный «Ретвизан», но был отогнан огнем с броненосца и промахнулся торпедой. Затем были успешно отогнаны еще три атаковавших эсминца. В это время появились и японские брандеры. Три из них были уничтожены береговыми батареями. Однако два прорвались и устремились прямо на «Ретвизан», намереваясь его таранить. Оба были тут же расстреляны Кетлинским и выбросились на прибрежные камни, так и не выполнив своей миссии.

За этот бой, предотвративший закупорку эскадры в Порт-Артуре, капитан 1 ранга Щенснович получил орден Георгия 4-й степени, а лейтенант Кетлинский золотую саблю с надписью «За храбрость». Формулировка при награждении была следующая: «За успешное отражение неприятельских миноносцев и потопление пароходов-брандеров в ночь на 11-е февраля сего года имевших целью взорвать броненосец «Ретвизан».

Затем было прибытие в Порт-Артур вице-адмирала Макарова. Казалось, все еще может наладиться.

* * *

В качестве плавбатареи на входе в гавань «Ретвизан» прослужил целый месяц пока его, наконец, не отбуксировали на ремонт в Порт-Артур.

9 марта японцы предприняли попытку перекидного обстрела гавани через горный мыс Ляотешань. Ответный огонь по врагу незамедлительно открыли броненосцы «Победа» и «Ретвизан», причем стреляли по невидимой цели. Тогда это было ново. Стрельба Кетлинского была просто изумительной. Уже третий и четвёртый залпы «Ретвизана» взяли японский броненосец «Фудзи» в вилку, а после разрыва 305-мм снаряда в нескольких метрах от борта японцы предпочли за лучшее ретироваться. Батарея 152-мм орудий броненосца, по предложению Кетлинского, огонь не открывала, чтобы раньше времени не отогнать врага от минного заграждения.

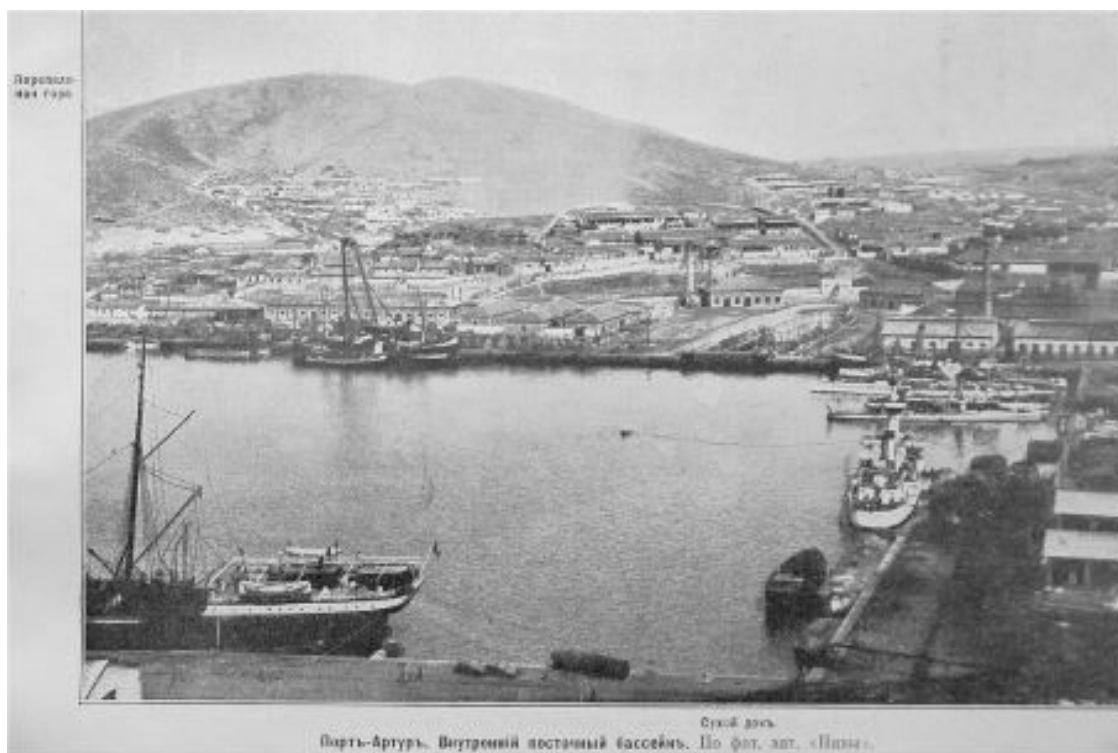

На рейде Порт-Артура 1904 г.

За это Кетлинского лично отметил вице-адмирал Макаров, написавший в приказе по эскадре «Стрельба наша была настолько меткой, что снаряды ложились близ неприятельских судов, а один из них попал в «Фудзи», что и заставило неприятеля прекратить бомбардировку».

Историк Ю.В. Грибовский в статье «Катастрофа 31 марта 1904 года (гибель броненосца «Петропавловск»)» так писал об этом эпизоде обороны Порт-Артура так: «Безнаказанная бомбардировка японцев вызвала энергичные ответные меры нового командующего флотом. Они выразились в усилении обороны Порт-Артура с морского направления затоплением пароходов для защиты выходного фарватера, установкой новых береговых батарей, организацией траляния и так называемой «перекидной» стрельбы с броненосцев, находящихся на внутреннем рейде. В последнем случае проявилось присущее Макарову умение прислушиваться к мнению подчиненных и использовать их творческие предложения. Инициаторами «перекидной»

стрельбы, позволявшей результативно отвечать на бомбардировку японского флота, выступили старший артиллерист «Ретвизана» лейтенант К. Ф. Кетлинский и командир этого броненосца капитан 1 ранга Э. Н. Щенснович. Обдумав и утвердив их идеи, адмирал представил исполнителям «зеленую улицу» в решении технических и организационных вопросов стрельбы. Уже 7 марта он специальным приказом установил порядок действий на случай появления противника.

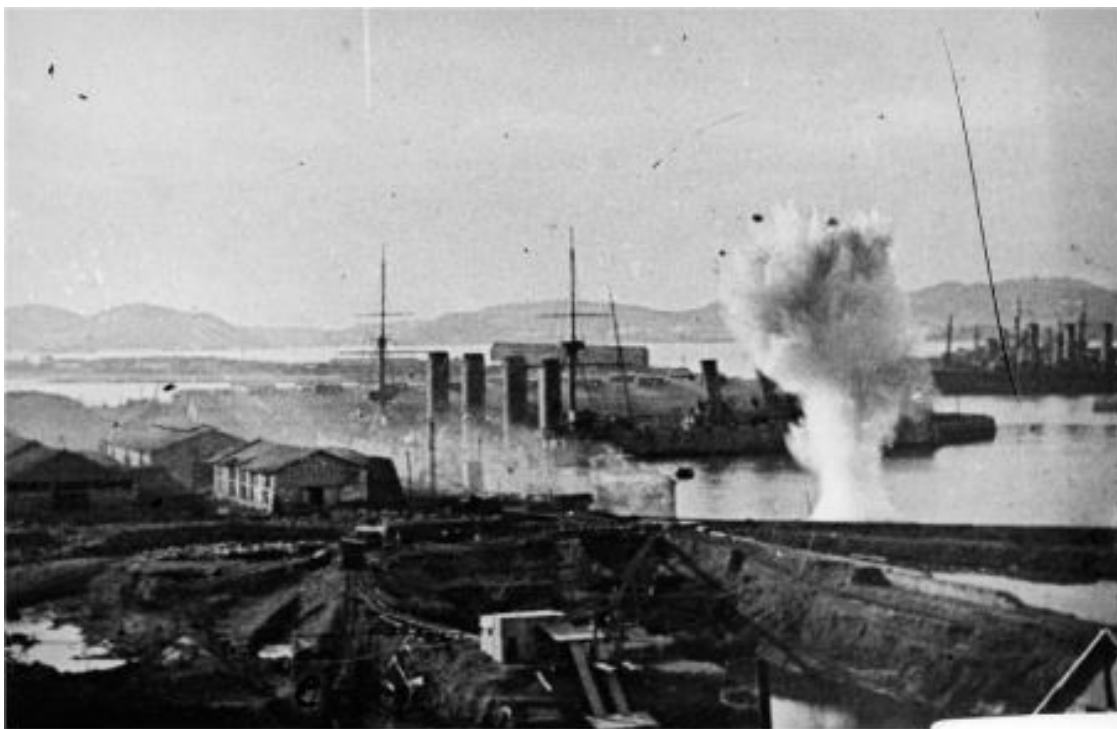
Порт-Артур, 1904 г.

По сигналу «...принять бой на якоре» японской бомбардировке должны были ответить броненосцы с наиболее дальнобойной артиллерией «Пересвет» и «Победа», а также «Ретвизан», на который возлагалось управление стрельбой. 9 марта во время второй бомбардировки Порт-Артура японские броненосцы «Фудзи» и «Ясима» сами попали под огонь «Ретвизана» и «Победы». После накрытия одним из залпов (всего русские выпустили 29 снарядов) противник поспешил прекратить бомбардировку и отойти».

Заметим, что Кетлинский несколько раз упоминается в знаменитом романе А. Степанова «Порт-Артур», причем упоминается исключительно положительно.

31 марта при выходе на рейд флагманский броненосец «Петропавловск» подорвался на минной банке и затонул. При этом погиб вице-адмирал Макаров и большинство офицеров его штаба. В числе других на «Петропавловске» погиб и флагманский артиллерийский офицер эскадры капитан 2 ранга А.К. Мякишев. На эскадре воцарилось всеобщее уныние. Прибывший в Порт-Артур после гибели Макарова наместник адмирал Алексеев, первым делом сформировал новый штаб эскадры. Оценив несколько кандидатов на должность флагманского артиллериста, он остановился на лейтенанте Кетлинском, как на специалисте наиболее соответствующем столь ответственной должности. На этом для Кетлинского закончилась его служба на «Ретвизане» и началась служба в должности флагманского артиллериста морского походного штаба наместника на Дальнем Востоке. Разумеется, что такое повышение для молодого лейтенанта было весьма лестным, однако и ответственность возлагалась огромная. Одно дело руководить артиллерией одного корабля, и совсем иное целой эскадры, да еще сразу в боевых усло-

виях, когда не может быть права на ошибку. В это время Кетлинский знакомится и с флаг-капитаном наместника капитаном 1 ранга Эбергардом. Знакомство это сыграет впоследствии огромное значение в жизни нашего героя, определив окончательный вектор его судьбы.

Крейсер Баян и минный заградитель Амур под обстрелом в Порт-Артуре, 1904 год

Наиболее дружеские отношения в этот период сложились у Кетлинского со средним, из братьев Черкасовых – Василем. Тот служил старшим артиллеристом на броненосце «Пересвет» и был у Кетлинского, что называется, «правой рукой». Старший из братьев Анатолий совсем недавно погиб в Кронштадте при испытаниях подводной лодки «Дельфин», а младший Петр служил там же в Порт-Артуре на миноносце «Властный».

Вскоре японцы начали высадку десанта буквально в сотне километрах от Порт-Артурса. Наместник Алексеев немедленно выехал в Мукден, поручив эскадру, до прибытия ее нового командующего вице-адмирала Скрыдлова, начальнику своего походного штаба контр-адмиралу Витгефту. Назначенного новым начальником штаба наместника Эбергарда, Алексеев забрал с собой. Что касается Витгефта, то, при вступлении в должность, он многозначительно сказал своим штабным офицерам: «Жду от вас господа не только содействия, но и совета. Я – не флотоводец...»

Вице-адмирал В.К.Витгефт

А обстановка у Порт-Артура быстро менялась в худшую сторону. Всего в 60 милях от главной базы флота шла ускоренная высадка противника. Все ждали атаки десантных сил.

Однако контр-адмирал Витгефт, поднявший свой флаг на броненосце «Севастополь», вместо того, чтобы хоть как-то противодействовать японскому десанту, созвал совещание флагманов в командиров кораблей, где вместо плана ожидавшейся атаки предложил собравшимися обсудить... план разоружения эскадры с целью усиления сухопутной обороны крепости.

Участвовал Кетлинский и на совместном совещании с сухопутным командованием, где было решено флоту всеми силами содействовать сухопутной обороне Порт-Артура, оставив на броненосцах лишь 305 и 254-мм пушки для перекидной стрельбы, а остальные снять вместе с личным составом на береговые батареи.

Всего Кетлинскому было приказано снять с кораблей 12 152-мм и 22 75-мм орудий. Но это было только начало. Уже через три дня адмирал Витгефт телеграммой доложил наместнику, что на сухопутные батареи флотом передано и устанавливается 20 152 мм и 34 75-мм орудий. Корабли разоружались с невероятной быстротой.

Адмирал Витгефт, будучи опытным штабным работником, не мог не понимать, что только полное и безраздельное господство над морем японского флота делало возможным какие-либо активные действия японских экспедиционных армий в Маньчжурии и на Квантуне. Не мог он не понимать и того, что его действия, обрекая эскадру на бездействие, самым ката-

строфическим образом сказываются на её боеготовности. Снятие орудий с кораблей действовало на матросов и офицеров угнетающе. Думается, что Кетлинский, да и другие флагманские специалисты не раз говорили об этом командующему, но, увы, безрезультатно.

Тем временем Кетлинский вместе с артиллерийским инженером полковником Шульцем догадались наведаться в береговой флотский арсенал, где к своему удивлению обнаружили вполне пригодные 210-мм и 120-мм орудия, которые после небольшого ремонта и были установлены на береговых батареях. В обмен на это Кетлинскому удалось вернуть с фортов часть 152-мм орудий на броненосцы.

1 мая минный заградитель «Амур» под командованием капитана 2 ранга Иванова скрытно поставил на пути движения японской эскадры минное заграждение, на котором на следующий день подорвались и затонули сразу два японский броненосца «Хацусе» и «Яшима».

Известие о подрыве на минном заграждении сразу двух японских броненосцев вызвало на эскадре небывалый боевой порыв. И матросами, и офицерами овладело мгновенное и иступленное желание выйти на рейд и вступить в бой с неприятелем. «На рейд! На рейд! Раскатать остальных! – кричали и бесновались кругом... – вспоминал очевидец. – Как я верил тогда, так верю и теперь – их бы «раскатали!»

Но Витгефт ограничился высылкой в море лишь двух отрядов миноносцев, которые были легко отогнаны огнем японских крейсеров.

К середине мая обстановка под Порт-Артуром резко осложнилась. Японская армия вышла на подступы к крепости. Возник вопрос о задачах флота в условиях осады. К этому времени поврежденные броненосцы были уже почти отремонтированы.

Ранним утром 10 июня наша эскадра вышла из гавани Порт-Артура. Но надежда командующего застать противника врасплох не сбылась. Японский командующий адмирал Того успел стянуть к Порт-Артуру все возможные силы. И хотя преимущество японцев было минимальным – четыре броненосца и четыре броненосных крейсера против шести русских броненосцев и одного броненосного крейсера – в момент, когда эскадры уже сблизились и готовы были открыть огонь, Витгефт приказал повернуть обратно. Адмирал Того тоже счел за лучшее не преследовать противника и отвернул в открытое море.

Владивосток, 1904 г.

Изменившаяся ситуация заставила командующего эскадрой созвать в этот день совещание. Из трёх поставленных на обсуждение вариантов действия эскадры: прорыв во Владивосток, поиск японского флота и решительное с ним сражение, содействие всеми имеющимися силами сухопутной обороне – был избран последний. Большинство голосов признавалось, что флот является одним «из главных факторов защиты» крепости, а потому должен принять в ней «самое активное участие». Прорываться же во Владивосток и вступить в бой с противником, не считаясь с его численностью, надо лишь в крайнем случае, «когда наступит необходимый момент». На непременном выходе флота настаивал лишь командир броненосца «Севастополь» капитан 1 ранга Н.О. Эссен.

15 мая, по праву старшего соплавателя, к В.К. Витгефту обратился старший офицер крейсера «Диана» В.И. Семёнов. В своей записке он, хотя и оправдывал передачу корабельных пушек для усиления сухопутной обороны, провидчески указывал на неизбежность гибели флота, если он свяжет свою судьбу с судьбой осаждённой крепости.

Другую записку (для обсуждения на совещании 20 мая) подготовил флагманский штурман лейтенант Н.Н. Азарьев. В своей записке он высказывался за прорыв во Владивосток.

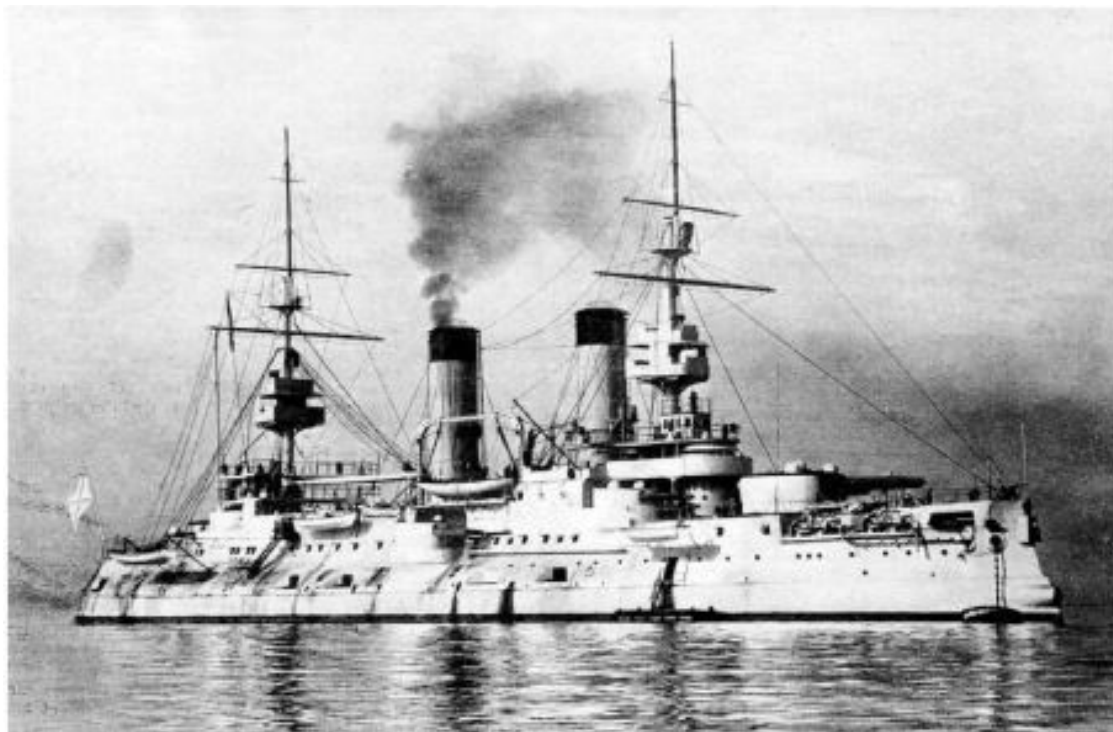
В.К. Витгефт эту записку на совещании не огласил, но на новом совещании высших чинов флота 23 мая Н.О. Эссен в своём, оказавшемся единственным, особом мнении, снова подчеркнул, что «события не ждут, терять драгоценное время не следует». Вопреки общему решению выходить по готовности всех кораблей, он считал, что «выходить надо немедленно». «Полагаю, что даже выход неполной нашей эскадры повлияет на ход событий и задержит движение японской армии». Подводя итоги прошедших совещаний, флагманский артиллерист эскадры лейтенант К.Ф. Кетлинский в записке на имя командующего от 31 мая 1904 года призывал отрешиться от всех частных задач, покончить с пренебрежительным отношением к японцам, признав в них серьёзного и умелого противника, и сосредоточить все усилия на глобальной задаче овладения морем. Для этого надо «собраться с силами», «вооружить полностью все боевые суда» и, насколько позволит время, подготовиться к предстоящим вскоре действиям. Так, на заканчивающей ремонт «Победе» из всей артиллерии (не считая башенных орудий) осталось лишь пять 75 мм. Две 6" пушки можно вернуть с батареи литеры Б, установить ещё 8 6", 15 75-мм и 10 47-мм. Всего на корабли эскадры требовалось вернуть 18 6", 31 75-мм и 20 47-мм пушек.

При этом К.Ф. Кетлинский напомнил о том, «как скоро забывается то, чему учились... Конечно, создать эскадру в неделю нельзя, но пока приводится в порядок материальная часть, многое можно сделать вчерне». Записка содержала и перечень орудий, которыми можно пополнить вооружение кораблей и сопоставление сил, которое при бое на отступлении даже при наиболее полном составе японского флота, который принимал Витгефт (4 броненосца, 6 броненосных крейсеров, 5 крейсеров 2 класса), обеспечивало их практическое равенство: по 10 12" и 10" пушек; 45 японских и 42 русские пушки калибра 6" и 8". Флагманский артиллерист отмечал, что при удачном выборе курса за нашей эскадрой будет большое преимущество в удобствах стрельбы и совсем устранена минная опасность. «В бой надо идти, но только с такими силами, чтобы это был бой, а не бойня; чтобы на каждое погибшее судно приходилось бы не менее одного японского». В конце записки он делал единственно правильный вывод: «Мы сделали всё для Артура, что могли, что должны были сделать, а теперь, когда исправление судов близится к окончанию, мы должны взяться за выполнение главной задачи флота и приложить все усилия, чтобы добиться в этом успеха».

Тем временем, японская осадная армия подошла к Порт-Артуру и началась непосредственная осада крепости. Утром 25 июля совершенно неожиданно по эскадре открыла огонь уже японская осадная артиллерия. Первой дуэль с японскими батареями начала «Победа», затем к ней присоединился «Пересвет» и «Ретвизан». В результате несколько орудий против-

ника были подавлены. Однако ответным огнем японцев был накрыт «флагманский «Цесаревич» и ранен сам Витгефт.

В тот же день пришел приказ адмирала Алексеева незамедлительно прорываться во Владивосток.

Эскадренный броненосец «Цесаревич»

Утром следующего дня адмирал Витгефт собрал флагманов, командиров кораблей и штаб, сообщив, что в ближайшие дни эскадра, согласно высочайшего повеления, эскадра выйдет в море с целью прорыва во Владивосток.

* * *

Утром 28 июля 1904 года Тихоокеанская эскадра вышла на внешней рейд. Свой флаг контр-адмирал Витгефт держал на головном броненосце «Цесаревиче». Там же находился и его штаб. Там же был, разумеется, и Кетлинский. В 9. 00 на флагманском «Цесаревиче» был поднят сигнал «Флот извещается, что Государь Император повелел идти во Владивосток».

Вскоре к востоку от русской эскадры показались главные силы противника во главе с флагманским броненосцем «Миказа». Преимущество было целиком на стороне японцев, но исход боя должен был решить поединок главных сил, где силы противников были почти равны.

Первым в 12.20 открыл огонь по «Цесаревичу» японский броненосный крейсер «Ниссин», через несколько минут ему ответил «Пересвет». Так начался бой, который вошел в историю, как бой в Желтом море, начался. Первое время, довольно удачно уклоняясь от маневров японского флота, Витгефт упорно держал курс в Корейский пролив. Наши корабли успешно стреляли, поражая противника. В ответ им тоже же доставалось. Так головной «Цесаревич» получил попадания шести крупнокалиберных снарядов, но, ни один из них не пробил брони. Получил некоторые повреждение и «Ретвизан».

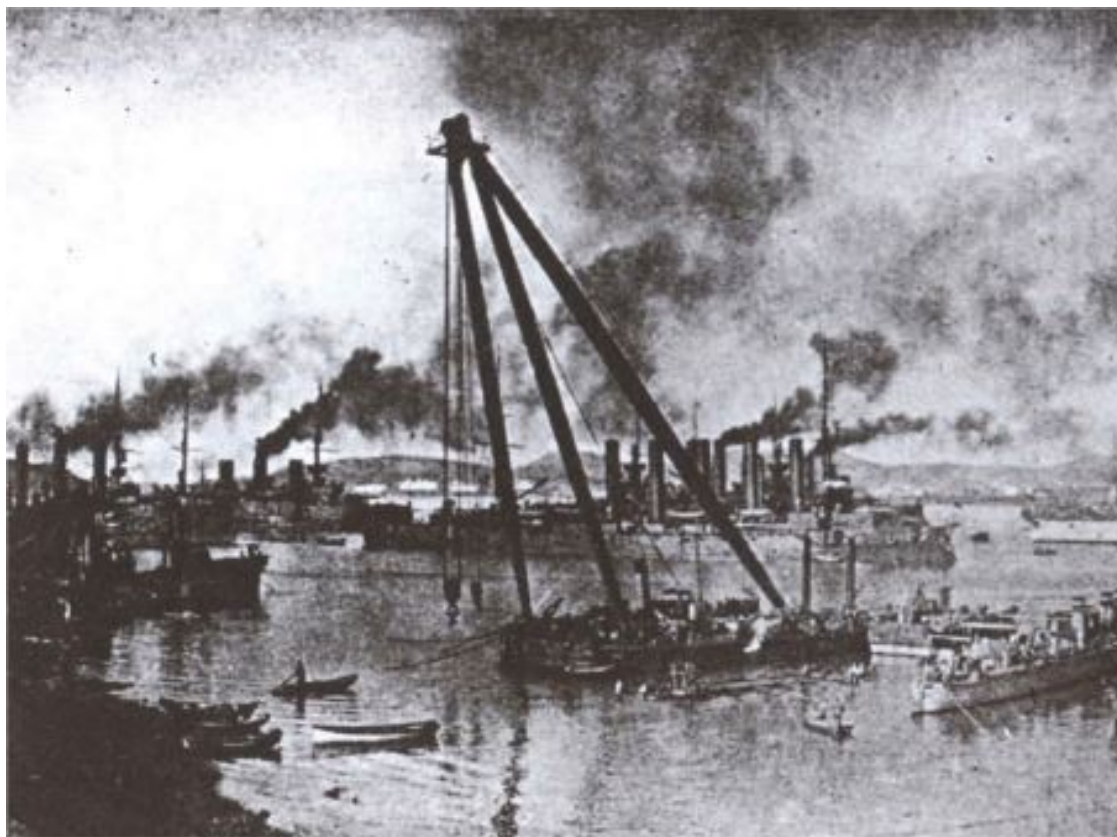
В конце концов, контр-адмирал Витгефт блестяще переиграл Того в маневре, обеспечив своей эскадре, наивыгоднейшие условия стрельбы и открытый путь во Владивосток. Японские

броненосцы несли тяжелые повреждения. Но, выйдя из боя и уклонившись вправо, адмирал Того затем поспешил вдогонку уходившей русской эскадре, постепенно ее нагоняя.

К этому времени контр-адмирал Витгефт, убедившись, что концевой броненосец «Полтава» не в состоянии держать установленный 15-узловый ход и что от противника ему не уйти, осознал, что вскоре предстоит новый бой. Собрав на мостике флагманского «Цесаревича» свой штаб, Витгефт поставил перед ним вопрос о возможных вариантах действий эскадры в сложившихся условиях. Большинство офицеров отмолчалось. Тогда слово взял лейтенант Кетлинский. Его предложение было вполне разумным и грамотным. Учитывая выгодное расположение артиллерии на русских броненосцах, позволявшее вести сильный кормовой огонь, и то, что противник находился в роли догоняющего, Кетлинский предложил принять бой на отходе в строю фронта, переведя противника за корму, для чего эскадре надлежало выполнить два поворота на восемь румбов – первый вправо «последовательно» и второй – влево «все вдруг». При этом русская эскадра получала значительное превосходство в артиллерии, которого она была лишена, ведя бой на параллельных курсах. Как знать, прими тогда Витгефт предложение Кетлинского, и судьба эскадры, а вместе с ней и судьба всей русско-японской войны могла сложиться совершенно иначе. Но выслушав своего флагманского артиллериста, Витгефт его предложение отклонил. Командующий желал иного – затянуть начало нового боя до близкой уже темноты, а ночью уже окончательно оторваться от японцев. О том, кто из двоих прав – контр-адмирал или лейтенант, историки спорят до сегодняшнего дня.

Далее события развивались следующим образом. Адмирал Того настиг нашу эскадру к 16 часам, сблизившись с концевой «Полтавой». Около 17 часов «Цесаревич» попал под плотный огонь, получая одно за другим попадания крупнокалиберных снарядов. Адмирал Витгефт, желая сбить пристрелку противника, увеличил ход и отвернул вправо. В это время, видя, что японцы вот-вот накроют броненосец, Кетлинский предложил Витгефту перейти в боевую рубку или хотя бы на верхний мостик, куда меньше залетали осколки. Сославшись на то, что в боевой рубке и без него тесно, Витгефт отказался, заявив, что ему «все равно, где помирать».

Примерно, через 5-10 минут после того, как японцы пристрелялись к «Цесаревичу», взрыв 305-мм снаряда, попавшего в фок-мачту, буквально смел с мостика штаб командующего эскадрой. Тело самого контр-адмирала Витгефта было практически уничтожено взрывом. Осколками снаряда и кусками мачты были убиты: флагманский штурман лейтенант Азарьев, флаг-офицер мичман Эллис, три матроса, ранены флаг-офицеры лейтенант Кедров, мичман Кушинников. По роковой случайности был ранен и начальник штаба контр-адмирал Матусевич, к которому должно было перейти командование. В момент взрыва он спускался с верхнего мостика с докладом командующему.

Внутренний рейд Порт-Артура

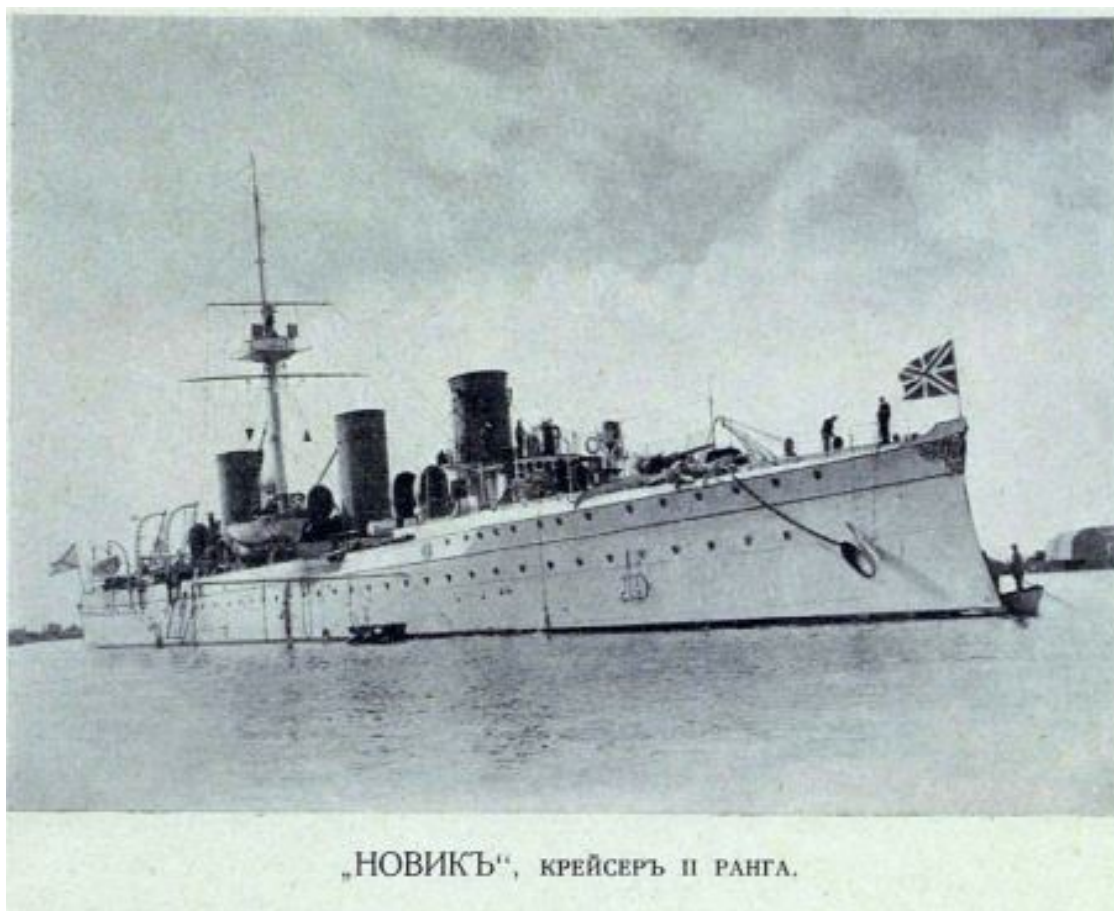
Получив сообщение о гибели командующего и ранении начальника штаба, командир «Цесаревич» капитан I ранга Иванов решил «вести бой дальше сам и во избежание могущего быть расстройства» не сообщать эскадре о гибели адмирала.

Но капитан I ранга Иванов не мог, разумеется, заменить командующего, и единственное, что ему оставалось делать – следовать прежним курсом. Японцы, тем временем, продолжали нагонять нашу эскадру, неся при этом от нашего огня так же большие потери. Так, когда очередной наш снаряд поразил «Миказу», адмирал Того лишь чудом остался жив. Не меньшие потери несли и наши.

Вскоре противники снова сблизилась на дистанцию наиболее эффективного артиллерийского огня. Сражение достигло своей кульминационной точки. Ни одна из сторон все еще не могла получить перевеса.

...Солнце уже клонилось к горизонту, и его лучи хорошо освещали русскую эскадру. Ничего похожего на расстройство её боевого порядка или на тяжелые повреждения кораблей заметно не было. Наши корабли по-прежнему продолжали отвечать огнем на огонь и упорно следовать своим курсом. Было очевидно, что дальнейшее продолжение сражения уже теряло какую-либо перспективу для адмирала Того. Ему пора было выходить из боя...

И тут в ход сражения еще раз вмешался его величество случай. Ход всех дальнейших на море, а может и всей войны в целом, определило попадание лишь одного снаряда!

В 17.45 в просвет боевой рубки «Цесаревича» ворвался вихрь осколков снаряда крупного калибра, взрыв которого и решил исход боя. Все находившиеся в этот момент в боевой рубке были убиты или ранены. Погибли старший штурманский офицер Драгичевич-Никшич, рулевой старшина, несколько нижних чинов, получили тяжелые ранения и потеряли сознание командир корабля I ранга Иванов, флагманский артиллерийский офицер лейтенант Ненюков, старший минный офицер лейтенант Пилкин, флагманский артиллерийский офицер Кетлинский и все нижние чины, находившиеся на своих постах. Осколками снаряда был поврежден рулевой привод, а так как за несколько минут до попадания, руль был положен немного вправо для удержания корабля на курсе, то броненосец начал описывать циркуляцию.

Все, произошедшее дальше, уже не раз уже описано историками. Потеря управления флагманского корабля вызвала полный хаос среди наших кораблей. Общее управление было нарушено. Младший флагман контрадмирал Ухтомский и командиры броненосцев не поняли друг друга, в результате чего эскадра распалась. Большая часть кораблей повернула обратно в Порт-Артур, меньшая направилась в нейтральные порты. На прорыв пошел лишь крейсер «Новик», да и тот смог дойти лишь до южной оконечности Сахалина.

Офицеры «Цесаревича» и штаба эскадры в Циндао. Аейтенант К. Кетлинский – второй слева в третьем ряду

Тем временем оставшиеся в живых офицеры «Цесаревича» собрались на совещание. Писатель А.Н. Степанов в своем знаменитом романе «Порт- Артур» так описал его: «Налетевший туман скрыл броненосец от вражеских взглядов.

«Цесаревич» остался один. На норд-осте, в направлении уходящей эскадры, слышалась учащенная стрельба легкой артиллерии. Было видно, что японские миноносцы продолжали преследовать ее.

В наступившей темноте броненосец некоторое время двигался по неизвестному курсу, – все компасы на нем были испорчены. Пользуясь временным затишьем, Шумов собрал на мостик старших специалистов корабля, которые все были ранены, и начал советоваться с ними о дальнейшем. При свете ручного электрического фонарика по карте приблизительно определили местонахождение корабля: почти в ста милях к юго-востоку от Артура.

Первым высказал свое мнение флагманский артиллерист лейтенант Кетлинский:

– Я полагаю, что при наличных повреждениях нам до Владивостока не добраться и необходимо вернуться в Артур.

– Сейчас попасть туда еще труднее, чем во Владивосток, так как на подступах к нему нас ожидают десятки японских миноносцев, от которых мы не сможем ни уйти, ни отбиться, – возразил минный офицер лейтенант Пилкин.

– Остается одно – пробираться в нейтральный порт, там починиться насколько возможно и затем идти во Владивосток, – решил Шумов.

В наступивших сумерках «Цесаревич» повернул в нейтральный китайский порт Циндао, куда вскоре и пришел. Там броненосец был интернирован до конца войны. Вместе с командой броненосца был интернирован и раненный лейтенант Кетлинский.

Из послужного списка К.Ф. Кетлинского: «Участвовал в сражениях 26 и 27 января, 10 11 и 26 февраля 1904 года, 9 марта, 2 апреля 1904 года, обстреливаниях с моря японских позиций в мае, июне и июле 1904 года, выход и траления японских мин 10 июня, в морском бою 28

июня 1904 года, контужен был 26 февраля 1904 года и получил ожоги, 16 мелких ран в бою 28 июля 1904 года».

Крест «За Порт-Артур», которым был награжден К.Ф. Кетлинский

Там в Циндао Кетлинский получил горестные известия о падении Порт- Артура и о Цусимском погроме, о кровопролитном Мукденском сражении и о революционной смуте в России... К маю 1905 года на "Цесаревиче" из прежнего состава офицеров (люди убывали на лечение после ранений, в отпуск, в командировки, на другие корабли) оставались лишь один представитель штаба – флагманский артиллерист К.Ф. Кетлинский и 12 строевых офицеров. Тот факт, что Кетлинский не воспользовался ранением для того, чтобы бросить корабль и укатить в Россию, делает ему честь. Далеко не все из офицеров остались до конца со своими матросами, особенно штабные. Только после окончания войны лейтенант Кетлинский смог вернуться в Россию.

Глава третья Помни войну!

По возвращении из Циндао в Россию, Кетлинский прибыл в Петербург. Сразу же после возвращения из Китая он женится. Избранницей бравого лейтенанта стала 22-летняя милая девушка Ольга, дочь флотского офицера, перешедшего на гражданские суда, выпускница бес-
тужевских курсов, романтическая и увлеченная литературой.

Командир отдельного практического отряда Черного моря контр-адмирал Цывинский Г. Ф.

Помимо всего прочего Ольга Леонидовна прекрасно играла на рояле и очень хорошо пела. К занятиям музыки она относилась очень серьезно и являлась любимой ученицей знаменитого композитора Скрябина. А написанная ей опера «Разбойники» вызвала настоящую сенсацию. Знакомы они были еще до отъезда Кетлинского на Дальний Восток и теперь, после его возвращения, наконец, решили связать свою судьбу.

С новыми назначениями на флоте, который только что потерял большую часть корабельного состава, в то время было очень плохо, но для такого высокочлассного артиллериста, да

еще со столь уникальным боевым опытом, как Кетлинский, должность, разумеется, нашлась. Известного артиллериста пригласил к себе командир отдельного практического отряда Черного моря контр-адмирал Цывинский. В решении Цывинского иметь старшим артиллеристом вверенного ему отряда своего земляка, можно усмотреть элемент землячества. Возможно, что, в какой-то мере, все так и обстояло. Ранее, как мы знаем поляка Кетлинского поддерживал его земляк Щенснович, теперь от него эстафета перешла к Цывинскому. Учитывая дружеские отношения между Щенсновичем и Цывинским, я не исключаю, что именно с подачи Щенсновича, Кетлинский и попал на Черноморский флот. Однако все же выбор Цывинского был продиктован не только желанием иметь в подчинении земляка-поляка. На тот момент командира практического артиллерийского отряда Черноморского флота занимали совсем иные мысли. А потому и Кетлинского он пригласил не просто так.

Дело в том, что Порт-Артур и Цусима выявили столь серьезную проблему для военноморского флота, как организация централизованного огня на больших дистанциях, без которых линейный корабль был неспособен достойно сражаться с противником, к тому же без решения данной проблемы само его дальнейшее его развитие, как мощнейшего из артиллерийских кораблей, представляется достаточно смутно.

Так называемые «артиллерийские опыты», призванные внести ясность в суть централизованной стрельбы, частично реализованной адмиралом Того в Цусимском сражении и неосвоенной нами, сразу по завершении русско-японской войны были поручены видному специалисту контр-адмиралу Цывинскому. Помимо всего прочего для занятий этим вопросом у Цывинского была и своя личная причина. В Цусимском сражении на броненосце «Бородино» именно от централизованного организованного огня японских броненосцев погиб его старший сын мичман Евгений Цывинский. Поэтому решение данного вопроса стало для убитого горем отца-адмирала вопросом его долга перед памятью о сыне. Первые шаги по изучению данной проблемы Цывинский начал на Балтике, а затем осенью 1906 года поднял флаг над эскадрой Черноморского флота, скандально известной до этого исключительно своими «революционными подвигами». Русский флагман справился с задачей уже в 1907 году. До него в мировых флотах господствовали представления о дистанциях решительного морского боя линейных кораблей в пределах не более 42–46 кабельтовых – для больших не существовало даже стрельбовых таблиц. Цывинский же научил свою эскадру стрелять, начиная с 107–112 кабельтовых, эффективно, за 3–4 минуты, проводя пристрелку и в течение последующих 5–7 минут выполняя огневую задачу полностью. При этом эскадра маневрировала на самом полном ходу.

Отработка системы централизованного эскадренного огня на старых кораблях отрядом контр-адмирала Г. Ф. Цывинского

Иностранные военно-морские агенты (атташе), впервые увидевшие достижения Цывинского, от изумления потеряли дар речи: им было невдомек, как русские осуществляют при стрельку на такой дистанции, ведь старший артиллерийский офицер, управляющий стрельбой, не видит всплесков пристрелочных выстрелов. Иностранцам вежливо объяснили, что на марсе располагается артиллерийский пост. Оттуда специально обученный офицер-артиллерист руководит пристрелкой. Артиллерийская репутация русского флота после этого необыкновенно выросла, а «дредноутизация» получила артиллерийскую завершенность; морская артиллерия и сам тип линкора – дальнейшее бурное развитие; в результате основные боевые столкновения с участием ЛК и ЛКР в период Первой мировой войны проходили на дистанциях, близких к предельным (естественно, когда позволяли условия видимости).

Историк флота Р.М. Мельников пишет: «...В 1906–1908 годах, когда настало время действительного, проверенного опытом овладения высшим искусством морского боя. Это произошло благодаря школе новой тактики, которую в русском флоте суждено было развернуть контр-адмиралу Г.Ф. Цывинскому. Флагман, не участвовавший в войне, не проявлявший ранее заметных артиллерийских инициатив и окончивший даже не артиллерийский, а только минный офицерский класс, волею судьбы стал таким же учителем флота, каким в свое время адмирал Г.И. Бутаков. Созданную этим адмиралом в 1860 году школу маневрирования Г.Ф. Цывинский гармонично дополнил слившейся с ней воедино школой артиллерийского искусства. Отработку новых методов стрельбы Г.Ф. Цывинский начал еще на Балтике, но имевшиеся в его распоряжении современные корабли – «Цесаревич» и «Слава» – передали в гардемаринский отряд. Таким образом, из трех новых броненосцев, имевшихся в составе флота, два балтийских стали школой плаваний для молодого поколения, а черноморский – «Пантелеймон» – должен был разработать современную школу артиллерийского искусства. Кроме «Пантелеймона» в Практическую эскадру Черного моря входило еще три эскадренных броненосца: «Три Святителя», «Ростислав» и «Синоп».

1 октября 1906 года Практическую эскадру переименовали в отдельный практический отряд Черного моря. Этот отряд и принял под свое начало прибывший с Балтики контр-адмирал Цывинский. Вместе с ним прибыл в Севастополь и старший артиллерист лейтенант Кетлинский.

Думаю, что этому выбору Цывинскому способствовали, прежде всего, два фактора. Во-первых, именно Кетлинский, как бывший флагманский артиллерист Порт-Артурской, эскадры обладал бесценным боевым опытом в организации артиллерийской стрельбы, как в морском бою, так и в ведении огня по береговым целям. Кому как не ему стать флагманским артиллеристом в отряде кораблей, на котором предстояло изучить и отработать новые подходы к организации централизованного огня эскадры в бою. Помимо этого Цывинский, как и Кетлинский был поляком, а офицеры-поляки российского флота, по возможности, старались поддерживать своих младших земляков. Именно так в свое время поддержал Кетлинского командир «Ретвизана» Шенснович, так теперь его взял в подчинение себе и Цывинский. Впрочем, я все же уверен, что решающим в выборе кандидатуры на должность своего флагманского артиллериста для Цывинского были все же профессиональные и деловые качества Кетлинского. И в этом он не ошибся. Лучшего флагманского артиллериста нельзя было и желать.

Отряду, флагманским кораблем которого го стал «Пантелеймон», и было поручено создание новой школы артиллерийской стрельбы. Цывинский почти сразу же увел свой отряд с Севастопольского рейда в Двужорную бухту, где занялся усиленными тренировками и плановыми стрельбами.

Что касается Кетлинского, то помимо своих прямых обязанностей флагманского артиллериста, он разрабатывал программу серий стрельб для выяснения, как говорилось в одном из приказов командующего, «при каких условиях и какими способами можно управлять огнем целой эскадры, сосредоточивая весь этот огонь на одной цели, что с таким успехом делалось японцами при Цусиме».

Особенно тщательно готовил Кетлинский к стрельбам комендоров. Для постоянных тренировок в заряжании и наводке орудий были заказаны хорошо зарекомендовавшие себя в английском флоте специальные зарядные приспособления, «электромагнитные отмечатели Скотта», а также приборы Морриса, которые вместе с практикой стрельбы мелкокалиберными пулями по движущейся цели обеспечивали выработку навыков управления механизмами крупнокалиберной пушки. Это были уже недалеко ни те примитивные приспособления, которые Кетлинский конструировал в Порт-Артуре! Новшеством стал и осуществленный в течение кампании массовый отбор кандидатов в ученики-наводчики, каждый из которых должен был выполнить три обязательных вида вспомогательных стрельб.

Севастополь. 1904

За последнее время изменение претерпела не только служба, но и личная жизнь Кетлинского. Сразу же по возвращении из Циндао, он женился, а в 1906 году уже в Севастополе у него рождается первая дочь, которую лейтенант назвал Верой.

1 мая 1907 года отряд в составе броненосцев «Ростислав», «Три Святителя», «Пантелеймон», «Синоп» и нескольких миноносцев вышел в четырехдневный поход до Новороссийска и обратно, в котором занимались эволюциями, а ночью – плаванием без огней. Затем у Тендры по программе артиллерийской школы были проведены вспомогательные стрельбы. Помимо всего прочего именно в это время Цывинскому удалось предотвратить и готовившееся на кораблях летом 1907 года новое восстание.

Послужной список Кетлинского в это время заполнен записями о его участии в самых разнообразных комиссиях. Он участвует в выработке постановлений о подготовке кораблей и эскадры к бою, в составлении нового вида боевых сигналов, в выработке новых программ для артиллерийских классов, в комиссии по установке новых оптических прицелов и т. д. Помимо этого преподавал он и в артиллерийской школе.

В июне 1907 года за отличия в русско-японской войне, К.Ф. Кетлинский был одновременно награжден сразу двумя орденами: орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами за бой в Желтом море, орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом за оборону Порт-Артура. Кроме этого, получил он и серебряную медалью с бантом в память войны с Японией.

С прибытием из Петербурга членов комиссии морских артиллерийских опытов Черного моря, в том числе и известного впоследствии ученого- кораблестроителя А.Н. Крылова на кораблях развернулись первые методические учения, имевшие своей целью выработку таблиц стрельбы для дистанций свыше 42 кабельтовых. Вблизи вооруженного на песчаной косе огром-

ного дощатого щита был оборудован обсервационный пункт, с которого во время стрельбы сигналами передавали координаты для комиссии, проводившей вычисления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.